

Знаете, наша школа бюджетная, хотя имеет и платное отделение. На бюджетном учится около 100 человек. Больше и не надо, потому что талантливых детей во все времена и везде мало. Но успехи наши связаны прежде всего с системой обучения. Ее главные принципы: позитивность и ясность задач. Все, что преподаватель задает, он делает вместе с учеником. Учит на своем личном примере. И ученик тогда наглядно видит, с чего начинать работу, как ее вести и заканчивать.

- Систем, хороших и разных, очень много. Зачем еще одна?

- На самом деле обучение живописи, даже в вузах, сейчас переживает кризис. Любой выпускник, будь то Строгановки или Суриковки, скажет – мы учились друг у друга. Существует так называемая консультативная система. Преподаватель дает студентам традиционно сложившиеся задания: нарисовать, скажем, портрет, – после чего уходит. Потом он может сделать какие-то замечания по уже сделанной работе, но студент выполняет задачу, фактически оставшись один на один с собой. Я и сам так обучался. А в 1990 году мне попалась книжка, изданная в середине XIX века, «Руководство по акварели». Оказалось, что те приемы, до которых я доходил самостоятельно, изучая работы старых мастеров, потратив уйму времени, там описаны. В общем, долгие годы я изобретал велосипед, усложнял дорогу к мастерству. К сожалению, такая ситуация сложилась не только в художественном образовании. В средней школе, скажем, несколько лет преподается иностранный язык. Но большинство ребят и двух слов на нем не свяжут.

- Вполне возможно, они просто не хотели учиться.

- Далеко не всегда причина тут в нерадивости учащихся. Поясню... Каждый предмет можно заключить в определенную систему, которая позволит процесс обучения вести наиболее эффективно. Именно на этих принципах было построено дворянское образование в России, которое отличалось очень высоким уровнем. Дворяне прекрасно музицировали, владели несколькими иностранными языками, могли писать стихи, скажем, на французском и на русском. Если посмотреть домашние альбомы дворянских семей первой половины XIX века, то там даже мелкопоместный помещик рисует акварелью настолько здорово, что куда до него многим нынешним профессионалам. Наша школа, можно сказать, открыла для широкой публики Ольгу Александровну Куликовскую, проведя в России ее первую выставку. Она была младшей дочерью Александра III. Вся жизнь рисовала акварели. Нельзя сказать, что все ее работы отличные, хотя некоторые просто великолепны. Эта великая княгиня добилась таких результатов благодаря полученному образованию. Мы в своей школе фактически создаем заново принципы, которые позволяют обучить акварели практически любого человека.

- А зачем вообще обучать человека, у которого нет соответствующих способностей?

- Чтобы помочь ему увидеть красоту окружающего мира. Она ведь лучше раскрывается не от пассивного созерцания на выставке картин. Когда человек прикоснулся к искусству, рисует ту же ложку, он начинает ею любоваться, видеть особенности света, теней, дизайна. Тогда все, что окружает его даже в быту, перестает быть только функцией. Такой человек, независимо от того, кто он по профессии, богат духовно. Ему интересно жить.

- Но ведь искусству и обучаются люди, которым не надо объяснять, как прекрасен этот мир.

- Не скажите... Все мы очень разные. И дети нынче совсем не те, как лет 20 назад. Помню, в детстве мама мне читала сказку «Аленький цветочек». Книга была без картинок. И obraz того же чудовища рождался в моем воображении без каких-либо подсказок. А сегодня ребенка окружает огромное количество образов – из Интернета, видеофильмов... А попроси его нарисовать Винни-Пуха, и он начнет не «изобретать» этот образ, а вспоминать все виденное, слышанное и связанное с ним. Это в общем-то нормально. У ребенка еще нет внутреннего стержня. Он живет подражанием окружающему миру, в котором сейчас, увы, изобилие книжек с дурными картинками, убогих мультфильмов... В результате набирается огромное количество мусора, которое стирает уникальность ребенка. У меня шестеро детей, они замечательные ребята, но у всех за-

Картина Сергея Андрияки «Вид на Москву-реку» теперь есть в коллекции премьер-министра Японии Дзюньитиро Кондзюми. Ее подарил Владимир Путин во время своего визита в Страну восходящего солнца.

В январе в выставочном зале на Поклонной горе пройдет выставка Школы акварели Сергея Андрияки. Это будет вторая крупнейшая демонстрация акварельной живописи в нашей стране за последние лет 30. Первая прошла в апреле в Манеже. В отреставрированном зале тогда было представлено свыше 4000 работ, принадлежащих народному художнику России, академику Российской академии художеств Сергею Андрияке и его ученикам. Скоро уже семь лет, как в Москве появилась школа, которую он создал и возглавляет. Применительно к живописи не хочется употреблять такие слова, как результат, но что поделаешь, если в этой школе действительно добиваются очень высоких результатов. «Благодаря чему?» - спросила я Сергея Николаевича. - Здесь собраны все сплошь талантливые дети? Для них созданы идеальные для творческого развития условия?»

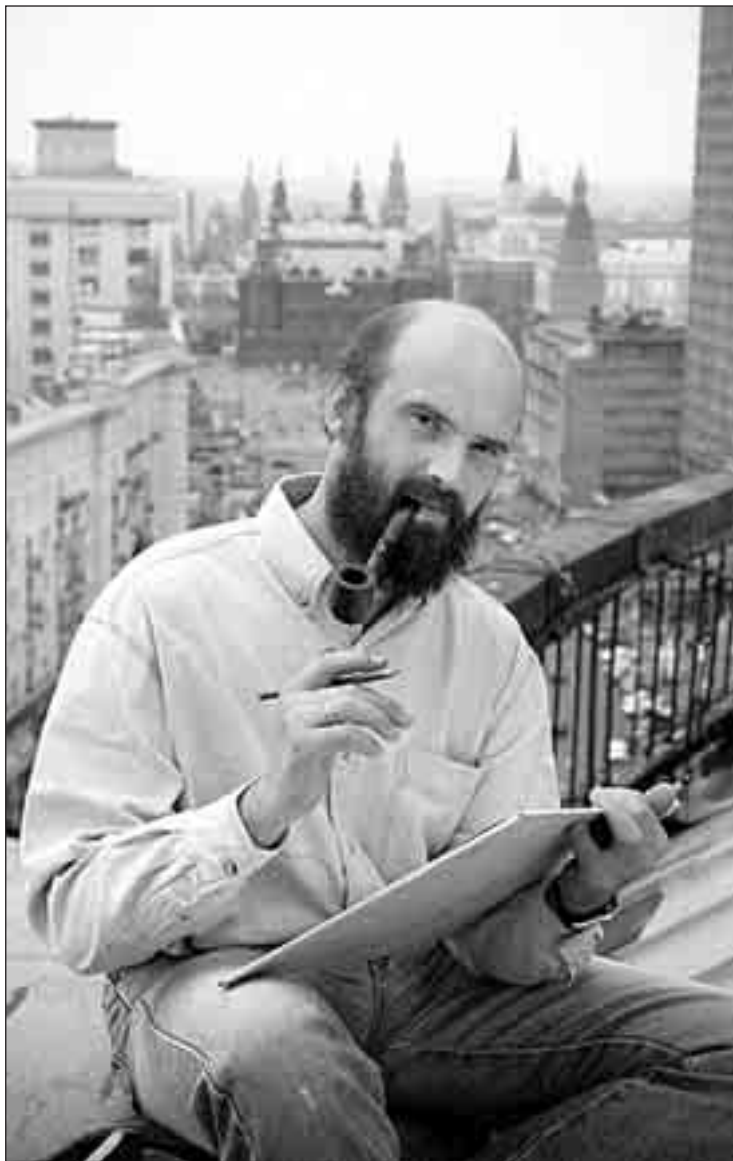

ФОТО: ЭЛИЗАВЕТА ПАЛТОВА

Сергей АНДРИЯКА: АКВАРЕЛЬ - ЭТО ВСЕ КРАСКИ МИРА

штампованное сознание. Избавиться от штампов можно с помощью творчества. Но не у всех это получается.

- Почему школа Андрияки обучает именно акварели?

- Потому что акварель – уникальная техника, а отношение к ней как к вторичному методу. Школа и создана для того, чтобы появились люди, которые в этой технике стали развиваться, а акварельная живопись возникла как художественное направление.

- Вы хотите сказать, что у нас не умеют рисовать акварель? Честно говоря, даже на вернисаже на Арбате можно увидеть прелестные акварели, причем самодельных художников.

- Мы с вами все-таки говорим о тенденциях, а не об отдельных художниках или работах. И тут я бы не стал оценивать состояние акварельной живописи столь оптимистично. Ее последний расцвет произошел в начале XX века и связан с «Миром искусства». Объединившиеся там художники создали в этой технике очень много замечательных работ. Появился даже термин – акварельность, что значит отсутствие четких границ изображения, оно как бы размывается, тает... Однако уже в 30-х годах акварель становится уделом эстетствующих художников. Еще больше живописцев начали использовать ее лишь как технику, позволяющую быстро сделать эскиз будущей картины. То же самое происходит и сейчас. Постепенно искусство акварели деградировало, наглядный пример тому – использование текстуры акварельных красок для создания популярных сегодня работ, в которых, по сути, отсутствует художественный образ. Его подменяют живописные разводы на бумаге. Она смачивается с двух сторон, кладется на стекло или на любую невпитывающую поверхность. На бумагу наносится краска. В течение полураса она, сохраняя влажность, расплывается. Иногда довольно причудливо. Но это не является полноценным творчеством. Это все равно что из всех возможностей рояля использовать лишь

две клавиши. Зато увидеть сегодня пару акварелей на выставке какого-то знаменитого живописца – уже большая удача.

- Расскажите о лучших учениках вашей школы.

- Наши ребята стали лауреатами премии Спивакова, но, честно говоря, мы не поощряем участие в конкурсах. Это все-таки рождает в детских душах зависть. Да, есть очень одаренные дети, но я не хочу никого выделять.

- А много ли из учащихся школы стали профессиональными художниками?

- У нас нет задачи, чтобы как можно большее число ребят стали художниками. Главное, чтобы ребенок развивался как гармоничная личность. Хотя, конечно, многие мечтают связать свою жизнь с искусством. Наш диплом не дает никаких особых прав для поступления в вузы. Школа относится к учреждениям дополнительного образования, которые федеральное законодательство приравнило к кружкам. Но многие из наших ребят поступают в художественные вузы. А есть и те, кто, учась, скажем, в Строгановке, параллельно занимается в школе, потому что тут очень высокий уровень обучения. На бюджетное отделение к нам поступить непросто. Набор конкурсный. Совсем не случайно у нас существует подготовительное отделение. Оно ориентирует ребенка, помогает понять, нужно ли ему тут заниматься, хватит ли у него для этого сил, сможет ли он выполнить те требования, которые к нему предъявят.

- Не слишком ли высокая планка для кружка?

- Понимаете, когда школа создавалась, мне сразу предложили сделать из нее образовательное учреждение. Но сам я считал важным проверить – как станет работать система обучения. А вдруг не получится? И что тогда? Мне предоставили здание, бюджетное финансирование, и все для того, чтобы появилась очередная школа? Их в Москве и так 28. Сейчас уже ясно, что система обучения эффективна. Интерес к ней огромный. Школа работает в двух направлениях – учебном и как выставочный ком-

плекс. У нас демонстрируются акварели из фондов московских и провинциальных музеев, многие из которых никогда широкая публика не видела. Выставки самой школы прошли во многих российских регионах. И везде нас ждут.

- Создать школу – задача невероятно сложная. Как вам удалось ее решить?

- Я только могу поблагодарить московское правительство и лично Юрия Михайловича Лужкова. Когда я в 1994 году поделился с ним идеей школы, он сказал: «Я очень уважаю мастеров, которые хотят отдать людям то, чем владеют, свои знания, опыт». Он поддержал меня. Сейчас школа существует уже 7-й год. У нас учится 760 человек. Среди них много и взрослых. Потому что люди чувствуют потребность раскрыть себя по-новому. Причем желающих намного больше. Но мы не можем принять всех, поскольку школа рассчитана на 350 учащихся.

- Как у вас возникла идея школы акварели?

- Наверное, это родители передали мне желание обучать людей. Моя мать – преподаватель иностранного языка. Отец преподавал живопись в школе юных дарований (сейчас это Суриковский лицей), которая создана в 1939 году. В 1941 году отец ушел добровольцем на фронт, а после войны вернулся в школу. Последние годы своей жизни был ее директором. Он умер в 1977 году, а года через два я сам стал там работать. Потом в Суриковском институте. И тут стал понимать, что обучение происходит неэффективно, спонтанно, бессистемно. В 1989-м бросил преподавание в институте. Создал небольшую студию, которая размещалась в моей мастерской. Сначала у меня обучались пять человек, потом их становилось все больше, и, наконец, места на всех уже не хватало.

- Почему сами вы стали заниматься акварелью?

- Рисовать акварелью я начал еще до того, как пошел в первый класс. Потом были суриковская школа, институт, Академия художеств, где я занимался масляной живописью. Много работал и продолжаю это делать в дру-

гих техниках. Мне все интересно: витраж, мозаика, декорации к спектаклям, эмаль, скульптура... Но акварель все время рядом. Я полюбил ее, наверное, сразу, как только впервые нанес акварельные краски на бумагу и увидел, как они горят. Таково свойство этого материала – создавать на белом фоне необычайный эффект свечения. Впоследствии я много экспериментировал с масляными красками, пытаясь добиться такой же цветовой вибрации. Но масляные краски слишком тяжелый для этого материал. Постепенно акварель стала моим главным делом. Я понял, как такими красками написать и пейзаж, и портрет, передать лиризм природы и драматизм человеческой личности. А потом настал момент, когда у меня возникла потребность передать свои знания другим.

- Кем вы себя больше ощущаете – педагогом или художником?

- Я с детства очень любил лепить. Сначала делал фигурки из теста, из которого моя мама пекла пироги. Потом из пластилина. Мой отец занимался преподаванием живописи, летом выезжал с учащимися на летнюю практику. Все рисуют, значит, и мне надо попробовать. А когда пришло время выбора профессии, у меня не было сомнений, кем стать. Конечно, художником. Я этим делом занимаюсь с утра до поздней ночи. Меня иногда спрашивают: «Какое у вас хобби?» А зачем мне оно? Хобби нужно человеку, который не знает чем заняться. А передо мной таких проблем никогда не стояло. Художество – это моя жизнь. Я не могу без него существовать. Другое дело, если я могу кого-то научить, то должен это делать.

- В ночь перед открытием выставки вашей школы в Манеже, приуроченной к ее пятилетию, там произошел пожар. Невольно поверишь в некую фатальность.

- Лично я уверен в том, что все происходящее с нами разворачивается по каким-то мистическим законам. И набор жизненных случайностей имеет глубокий смысл. Поэтому даже в самых тяжелых ситуациях я говорю себе: «Значит, так должно быть».

- Вообще-то к таким взглядам надо прийти.

- Это очень сложный вопрос. Скажу лишь, что на мое мировоззрение повлиял архимандрит Сергей (Василий Петрович Савельев). Он умер в 1977 году. Человека такого масштаба я больше в жизни не встречал. Он служил в московском храме Покрова Богородицы в Медведкове, что и сейчас находится на Яузе. «Храм должен быть во всех смыслах образцом», – говорил отец Сергей. На паперти он написал: «Все требы бесплатные». Он понимал, что не каждому человеку позволяют средства заказать молебен. У богатого, получается, преимущества какие-то при общении с Богом. Это несправедливо. Он отказался от половины своей зарплаты, считая, что эти деньги нужны в храме. Он реагировал на все, что происходило в жизни. Читал проповеди о пересадке сердца, умирающих детях, полете на Луну, о Достоевском, Пушкине, Есенине... Он жил по вере, оставаясь открытым для жизни. Так и в искусстве самое сложное – следовать традициям, быть современным, оставаться собой и видеть мир своими глазами.

- В известном смысле в Манеже после пожара, являясь старейшей в стране выставочной площадкой, превратился в один из самых современных залов.

- О пожаре я узнал сразу после трагедии. Приехал на площадь и видел, как он горел. Состояние было очень тяжелое. Все было готово к выставке – картины, транспорт... Во все вложены средства спонсоров. И теперь все это горело... В 5 утра я пошел в мастерскую. Спать не могу. И без всяких эскизов стал рисовать пожар... Утром опять пошел к Манежу. Встал на то же место, что и ночью, и сделал карандашный рисунок. И уже в мастерской стал писать большую акварель горящего Манежа. Я ее закончил за два дня. И выплеснул боль. Стало просто легче жить.

Пошел к Юрию Михайловичу Лужкову и честно сказал, что не знаю, как теперь быть. Ведь выставка в Манеже приурочена к пятилетию школы, к первому выпуску ее учеников. Для Лужкова она тоже имела большое значение. Он открыл школу, вручал каждому поступившему портфель с художественными принадлежностями. А потом уже выпускникам вручал свидетельства об окончании школы. Юрий Михайлович сказал, что через год Манеж будет восстановлен. Открывать его должна выставка нашей школы. Честно говоря, такие сроки мне показались нереальными. Но все произошло так, как он сказал. Скоро начнется строительство академии акварели, высшего учебного заведения нового типа...

Беседу велa Наталья КУЗИНА